

Научная статья

УДК 81' 23, 124.2, 124.5

DOI 10.17223/18137083/80/25

Междисциплинарные основания исследования оценочных ассоциативных доминант

Мария Александровна Кузьмина

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

mash_room@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4606-1805>

Аннотация

Рассматриваются философские и психологические основания междисциплинарного исследования результатов психолингвистического ассоциативного эксперимента – доминантных для русской языковой личности оценочных ассоциаций. Оценочные доминанты несут информацию как о базовых оппозициях культурного кода (*добро / зло, свой / чужой*), так и о моральной оценке, источником которой является опыт, приобретаемый в национальной культурной среде. В качестве философской основы анализа оценочных ассоциативных доминант в исследовании предлагается опора на представление об иерархической организации ценностей (концепция Н. О. Лосского) и на деонтологический подход в аксиологии. Наиболее перспективной психологической методологией для анализа оценочных доминант представляется концепция единства сознания и эмоций (Ю. И. Александров).

Ключевые слова

аксиологическая психолингвистика, ассоциативные доминанты, культурная универсалия, моральная оценка, ценности

Благодарности

Автор выражает благодарность профессору Р. Г. Апресяну за ценные замечания при подготовке данной статьи

Для цитирования

Кузьмина М. А. Междисциплинарные основания исследования оценочных ассоциативных доминант // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 325–338. DOI 10.17223/18137083/80/25

© Кузьмина М. А., 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 325–338
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 3, pp. 325–338

Interdisciplinary basis of the study of evaluative associative dominants

Maria A. Kuzmina

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

mash_room@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4606-1805>

Abstract

The associative dominants as the structures of meaning should be analyzed by taking into account the findings of different disciplines, focusing on the value content of semantic structures (psychology, sociology, philosophy, psycholinguistics, etc.). This study addresses the philosophical and psychological foundations of interdisciplinary research of the results of a psycholinguistic associative experiment, i.e., the evaluative associations dominating for Russian linguistic personality. The author considers the possible approaches to the concept of “culturally universality” differing on the following grounds: 1) what is relevant for a researcher working with cultural universals; 2) what idea of a person is realized; 3) how cultural phenomena are characterized; 4) what methods are used. The philosophical basis for studying the evaluative associative dominants is substantiated. It is suggested to rely on the idea of the hierarchical organization of values, the concept suggested by N. O. Lossky, and on the deontological approach in axiology. Also, the possibilities of applying psychological concepts in the study of evaluative associative dominants are assessed. The most promising psychological methodology for the analysis of associative dominants is seen to be the concept of the unity of consciousness and emotion by Yu. I. Alexandrov. The structure of the unity of consciousness and emotions can be traced in the principle of the organization of associations as verbalized meanings: conscious, more differentiated layers of experience are imprinted in associations that tend towards more universal expressions of moral evaluation, close to cultural universals, while emotionally colored associations are more characteristic of the value level of consciousness.

Keywords

axiological psycholinguistics, associative dominants, cultural universality, moral assessment, values

Acknowledgements

The author would like to express her gratitude to Professor R. G. Apresyan for his valuable comments for this paper

For citation

Kuzmina M. A. Interdisciplinary basis of the study of evaluative associative dominants. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 3, pp. 325–338. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/80/25

Введение

Вопросы об аксиологическом аспекте анализа психолингвистических экспериментов возникли в процессе работы в рамках междисциплинарного проекта, проведенного в Институте филологии СО РАН в 2019–2021 гг. и посвященного культурным универсалиям¹. Вместе с другими объектами гуманитарного знания

¹ Проект № 075-15-2019-1884 «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» (руководитель д-р филол. наук Л. С. Дампилова).

Лабораторией вербальных культур Сибири и Дальнего Востока² исследовались данные ассоциативных экспериментов СИБАС³ – результаты массового свободного ассоциативного эксперимента, участниками которого в 2000–2020 гг. стали студенты вузов – молодежь Сибири и Дальнего Востока.

Ассоциативная база данных представляет актуальный «срез» русского языкового сознания в той части, которая касается ассоциативного мышления. Ассоциативно-вербальная сеть образована пересекающимися ассоциативными полями, которые представлены стимулами и реакциями. Слова-ассоциаты – стимулы и реакции – отражают движение значений лексем, а значит, могут быть источником сведений об актуальном для молодых людей смысловом наполнении их образа мира [Шапошникова, 2020]. «Вершины» ассоциативных полей ряда вербальных единиц – это ассоциативные доминанты, т. е. доминирующие в усредненном сознании участников эксперимента смысловые структуры. Например, доминантными для молодежи Сибири и Дальнего Востока являются ассоциативные поля с «вершинами» *человек, жизнь, дом, деньги* и др., а также оценочные доминанты *хорошо / плохо*. Оценочные доминанты – это ассоциативные поля (далее – АП), представляющие собой различные слова-стимулы, на которые участники ассоциативного эксперимента давали реакцию *хорошо* или *плохо*.

С точки зрения гуманитарного знания в целом ассоциации представляют методологический интерес как промежуточные объекты, или «мезоструктуры», которые должны изучаться междисциплинарно [Кузьмина, 2020], а в качестве предмета психолингвистических исследований ассоциации интересны прежде всего тем, что представляют собой особый вид семантических связей, которые не удается выразить с помощью математических алгоритмов. В тезаурусах и семантических онтологиях, широко применяемых в современных разработках искусственного интеллекта, ассоциации не отражены – в силу именно их сопротивления алгоритмизации [Лукашевич, 2011]. Но то, что может считаться «слабостью» применительно к одним методам, оборачивается сильной стороной по отношению к другим, в частности обращение к ассоциациям и соответствующим базам данных нам видится перспективным поворотом к междисциплинарному изучению сознания: человека делает человеком как раз то, что невозможно запрограммировать.

Ассоциативные доминанты как смысловые структуры требуют анализа с учетом достижений разных дисциплин, предметом которых является смысл (психология, социология, философия, психолингвистика и др.), поэтому мы попытаемся рассмотреть наш объект с разных сторон.

Насколько универсальна для лингвокультур выраженность в языке представления о том, что *хорошо*, а что *плохо*? Поиск ответа на этот вопрос связан с выбором одной из сторон двупланового подхода к самому понятию «культурная универсалия» – этому вопросу посвящен первый раздел статьи.

Оценочные доминанты *хорошо / плохо* свидетельствуют об отношении говорящего к явлениям действительности, которым он дает моральную оценку. Моральная оценка опирается на систему ценностей индивидуума – это аксиологический аспект изучения смысловых структур сознания, раскрытие которого связано с обращением к философскому знанию. Во втором разделе статьи рассматривают-

² <https://www.philology.nsc.ru/departments/lvc/index.php>

³ <http://adictru.nsu.ru/>

ся философские основания исследования оценочных доминант с позиций аксиологической дихотомии – релятивизм vs абсолютизм [Судаков, 2001]).

Ценности – это глубинный смысловой пласт сознания (если понимать *сознание* широко, захватывая в объектив внимания также и бессознательные процессы). Можно ли сказать, что каждый акт ассоциирования актуализирует ценностный уровень языковой личности? Или ассоциации возникают автоматически? Рассмотрению психологической стороны этого вопроса посвящен третий раздел статьи.

1. Два подхода к понятию «культурная универсалия»

На наш взгляд, многообразие подходов к вопросу о «культурных универсалиях» можно свести к двум позициям: согласно одному взгляду, смысловое ударение делается на слове «культурная», с другой позиции культуры исследуются с точки зрения проявления «универсалий». Сравнение данных подходов можно проводить по разным основаниям, в нашем исследовании отражены следующие параметры: что является релевантным для исследователя, работающего с культурными универсалиями; какое представление о человеке реализуется; как характеризуются явления культуры; какие методы применяются (см. таблицу).

Параметры сравнения «культурно-ориентированного»
и «универсалистского» подходов к культурным универсалиям
Parameters of comparison of “culturally-oriented”
and “universalist” approaches to cultural universals

КУЛЬТУРНАЯ универсалия	vs	культурная УНИВЕРСАЛИЯ
1. Что релевантно?		
Своеобразие культур		Глобальный универсализм
2. Представление о человеке		
Человек как род – <i>Homo vivens</i>		Человек как вид – <i>Homo sapiens, agens, ludens, loquens...</i>
3. Отношение к элементам культуры		
Культ и своеобразие (Мир ≠ Я, Сознание и бытие)		Относительность, субъективизм (Мир = Я, Сознание без бытия)
4. Методы		
Бинарные (тернарные, градуальные) оппозиции (имманентное / трансцендентное, континуальное / дискретное, сакральное / профанное и т. д.)		Плюрализм, релятивизм, деконструкция

В левой колонке таблицы отражено направление исследований, фокус которых нацелен на культурное своеобразие. Человек анализируется как уникальный род, *Homo vivens* [Дридзе, 2001], отличительной чертой которого является именно творческое начало, способность создавать культуру. Источником культуры является культ как признание святынь, т. е. предполагается наличие некоего сакрального пространства, с одной стороны, неизменного и противостоящего профанному, с другой стороны, в своих формах отличного от сакрального пространства других культур. Культурное своеобразие возникает как реакция на разнообразие

материальной среды, в которой развивается общество, но общим для всех культур признаётся наличие оппозиций: «Бинарность – универсальный код описания мира» [Пелипенко, Яковенко, 1998] (цит. по: [Колесов, 2019]). В рамках данного подхода универсализм представляет угрозу культурному своеобразию, а значит, и человечеству, поскольку культурное своеобразие мыслится как неотъемлемая черта человека как рода.

В правой колонке представлен другой принцип анализа культурных универсалий, в основе которого лежит глобальный универсализм, и внимание исследователей сосредоточено на выявлении общих символов, культурных, языковых, социальных и прочих явлений [Мамардашвили, Пятигорский, 1997]. Человек изучается как один из живущих на земле видов, исследование человека часто сосредоточено на том, что у него общего с другими живыми существами. Если противоположный взгляд высвечивает в глобализационных процессах угрозу культурному своеобразию, то представители данного подхода видят в стирании культурных границ единственный путь к миру без войн, к толерантности как всеобщему принципу устройства мира [Иванов, 2011]. Если ключевой структурой первого подхода (см. левую колонку таблицы) является иерархия, то универсализм опирается на сетевой принцип организации и горизонтальные связи. Прежние схемы познания деконструируются, чтобы стать адекватными средствами отражения современных культурных процессов. Данный подход представляется незаменимым в борьбе с так называемыми «идеологическими конструктами» – симулякрами, которым необходима «пересборка» по методу деконструкции [Латур, 2014]. С одной стороны, универсализм возможен, поскольку представляет собой «результат индуктивного обобщения относительно единообразия такого ряда явлений, как человеческая деятельность», который «не зависит от локальных культурных особенностей» [Платонов, 2021, с. 138]. С другой стороны, «предельная общераспространенность создает иллюзию абсолютности предъявляемых требований и оценок» [Там же, с. 130], поэтому призывы к универсализации могут стать источником манипуляции смыслами [Кузьмина, 2021б], вследствие чего не только деконструируются идеологические симулякры, но пересматривается наличие ценностей как таковых, и тогда мы приходим к тому, что становится непонятно, где добро, а где зло.

Между тем, противопоставление *добро / зло* (как и *свой / чужой*) является базовым для любой культуры, и наличие ценностей – это культурная универсалия: культура строится на основе ценностей и пронизана ими в каждом своем явлении. Данная универсалия представлена на ассоциативном материале и наиболее ярко вербализована в ассоциативных полях *хорошо / плохо*.

2. Философские основания исследования ассоциативных доминант: аксиологические подходы к ценностям

Ценностно-ориентированное исследование оценочных доминант *хорошо / плохо* требует «методологического ключа», которым обладает философское знание, а точнее, аксиология. С самого начала возникновения и на протяжении истории аксиология сохраняла дихотомию подхода к предмету: с одной стороны, ценности трактуются с утилитарных позиций (релятивизм), с другой – трансцендентно по отношению к человеку, или деонтологически.

Аксиологический релятивизм связан с психологизмом в аксиологии, когда моральное удовлетворение от поступка считается самой ценностью. Согласно такой

«биологизаторской концепции морали» (Р. Г. Апресян), ценности относительны и подвержены изменениям в силу самых разных факторов: личностных, социальных, исторических и т. п. В. Франкл заметил, что наука о человеке превращается в «биологизаторство», когда появляются «притязания на тотальность», которые не в силах устоять перед «соблазном сверхобобщенных выводов на основании ограниченных данных» [Франкл, 2018, с. 32]. По всей видимости, противники «объективистской парадигмы», такие как Дж. Лакофф и М. Джонсон, также выступают против подобных претензий, но с другой стороны: «миф эмпиризма» они используют в качестве противовоядия от «объективистской одержимости абсолютной истиной» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 245]. Дж. Лакофф, который к объективизму испытывает «неодолимое отвращение» [Колесов, 2019, с. 126], интерпретирует не только семантические, но и философские категории с позиций теории эволюции: «Какое бы направление современной биологии ни взять, везде объективистская семантика и теория познания и в значительной степени объективистская метафизика вступают в конфликт с постдарвиновской биологией» [Лакофф, 2004, с. 259].

Между тем объяснение морали с точки зрения эволюционной теории не учитывает ряд факторов поведения человека, таких как различие в мотивации («одни и те же действия, совершенные из соображений заботы или из соображений выгоды, представляют собой разные по своим ценностным и мотивационно-смысловым качествам поступки» [Апресян, 2019, с. 142]), различие в формах социальной адаптации, которая не является ведущей функцией морали («человек не только адаптируется к среде, но и сам активно преобразует ее» [Там же, с. 144]), наличие у человека стремления к совершенству, которое невозможно объяснить с эволюционной точки зрения, и т. д.

Само понятие «психологизм» опирается на большие ожидания, связанные с широким распространением «сильной» версии искусственного интеллекта, в русле которой проводится масса современных когнитивных исследований. С середины XX в., когда в Массачусетском технологическом институте зародилась западная ветвь когнитивной науки, наметилось два пути, по которым могло пойти развитие исследований в области искусственного интеллекта: в «слабой» версии компьютер является лишь исследовательским инструментом, тогда как «сильный» искусственный интеллект претендует на то, чтобы по возможности максимально близко повторять мышление человека [КСКТ, 1996, с. 40–41]. Ключевую роль в становлении «сильной» версии сыграла книга У. Найссера «Когнитивная психология» (1967), в которой психика человека представлена «в качестве некоего центра, который может воспринимать конечное число сигналов, исходящих из окружающей среды, и затем переработанных человеческим мозгом», так что когнитивная система человека отождествляется с «системой компьютера, с устройствами ввода, вывода и местами хранения информации» [Костригин, Мазина, 2018, с. 25].

С философской точки зрения аксиологический релятивизм, как и генетически связанная с ним этика утилитаризма, исходит из «универсального» «первопринципа» пользы, которым человек руководствуется, совершая конкретный поступок. Но, если человек смог определить «первопринцип», для него «вторичные принципы уже не нужны, а для того, кто этого сделать не может, вторичные принципы заслонят первичный и станут единственным ориентиром в различении правильного и неправильного» [Платонов, 2021, с. 144]. Такой подход ведет к элитаризму: люди, превосходящие других по интеллектуальному уровню, оказываются выше

принятых в данном обществе норм, так что «в итоге интеллектуальная элита сама оказывается вне критики» [Платонов, 2021, с. 144]. На практике идея элитаризма реализована во множестве обучающих программ, создаваемых на базе когнитивных исследований Массачусетского технологического института – колыбели когнитивной психологии. Например, созданной на базе МТИ организацией *The Mindfulness Institute* разрабатываются программы для развития лидерских качеств управленцев высшего звена транснациональных и крупных российских компаний. Так, согласно одной из программ, «От знаний к мудрости – 9 стадий лидерской зрелости» (2018), такая ценность, как *героизм*, характеризует низшую ступень развития лидера, а на вершине пути лидерского восхождения ценности отсутствуют.

Н. О. Лосский видит важнейшую задачу аксиологии в установлении существования абсолютных ценностей и преодолении аксиологического релятивизма. В мире, где «все ценности относительны и субъективны», «невозможна соборная жизнь и соборное делание, невозможна и абсолютная полнота бытия» [Лосский, 1931, с. 83–84]. Следствием распространения аксиологического релятивизма, по мнению Г. П. Выжлецова, становится «вырождение самого человеческого начала в человеке» [2016, с. 17]. В качестве альтернативы обесцениванию ценностей исследователь вводит термин «аксиология культуры» и предлагает сделать его главным методом «самосознания культуры», утверждая, таким образом, имманентность ценностей культуре.

Принципиальным условием психолингвистического анализа оценочных доминант нам видится иерархическое представление о ценностях, поскольку оно позволяет разграничить универсальные смыслы как базовые смыслы культуры (*добро / зло, свой / чужой*) от «отпечатков» культурного своеобразия, выражаемых в языковом материале лингвоспецифичными единицами. Первичная ценность определяется Н. О. Лосским как Бог, «как само Добро, абсолютная полнота бытия, сама в себе имеющая смысл» [1931, с. 78], это объективная ценность, основание культур. Производные ценности как ценности более «низкого» уровня у Лосского связаны с деятельностью «субстанциального субъекта», они отражают стремление к объективной ценности и представляют собой «бытие в его самопереживаемом или переживаемом другими существами значении для осуществления абсолютной полноты жизни» [Там же, с. 82]. Утилитарные ценности стоят на нижней ступени иерархии и служат достижению производных ценностей. Всем видам ценностей противоположны «антиценности», проявляющиеся в человеческой деятельности во всём, что служит препятствием к достижению абсолютной полноты бытия [Там же, с. 102]. Зло, по Лосскому, «не первично и не самостоятельно»: «оно существует только в тварном мире... как свободный акт воли субстанциальных деятелей, и производно, как следствие этого акта» [Там же, с. 103]. Производные и утилитарные ценности выражены ассоциатами оценочной доминанты *хорошо*, а соответствующие антиценности – единицами доминантного поля *плохо*.

3. Психологические основания исследования ассоциативных доминант: ценности как осознаваемый и бессознательный культурный опыт

Ассоциаты полей *хорошо / плохо* можно назвать языковыми выражениями (вербализациями) моральной оценки. Эмпирические исследования показывают общераспространенность моральных представлений и незначительные расхожде-

ния моральной оценки у представителей разных культур: «представления о том, что “хорошо” и что “плохо”, существуют в разных культурах в сходной форме и позволяют людям успешно достигать индивидуальных и коллективных целей» [Арутюнова, Александров, 2019, с. 70]. В этом случае речь идет об универсальных ценностях (*добро / зло, свой / чужой*), различение которых формирует культуру как явление, присущее только человеку. Наряду с универсалиями моральной оценки индивид производит и специфическую для его национально-этнического, исторического, социального и пр. положения оценку.

«В мозге индивида “хранятся” элементы его субъективного опыта, сформированного в культуре» [Там же, с. 24], и каждая единица опыта наслаивается на предыдущий опыт, не вытесняя его, а существуя одновременно с ним. Каждая ситуация взаимодействия со средой актуализирует такой пласт опыта, который позволяет человеку наиболее адекватно реагировать на вызовы внешней среды. Внешние вызовы сочетаются с внутренними вызовами, и, реагируя на них по-разному, индивид дает им моральную оценку. Особенностью ассоциативных реакций считается автоматизм, на это указывал один из «отцов-основателей» ассоциативного метода Ю. Н. Караулов. Он отмечал, что реакции, которые выдают испытываемые на определенные слова-стимулы, не несут творческого начала, а характеризуют лишь тот контекст, в котором живет носитель языка [Караулов, 1987].

Таким образом, оценочные ассоциации являются манифестацией осознанного культурного опыта и в то же время представляют собой результат неосознанных, «автоматических» реакций. Когда человек дает факту оценку не на основе размышления, он руководствуется чувством, эмоцией, поскольку «чувства имеют приблизительно такое же значение для морального оправдания того или иного образа действия, что и восприятия для теоретического объяснения фактов» [Хабермас, 2001, с. 78].

Согласно концепции единства сознания и эмоций (см. [Александров, Александрова, 2009; Арутюнова, Александров, 2019]), поведение любого индивида обладает как сознательными характеристиками (более дифференцированные пласты опыта), так и эмоциональными (менее дифференцированные, более глубинные пласты опыта). Эмоции как глубинные, первичные реакции «связаны с оценкой результатов систем, обеспечивающих соотношение индивида и среды на сравнительно низком уровне дифференциации» [Арутюнова, Александров, 2019, с. 43]. Сознательные характеристики опыта актуализируются одновременно с эмоциями, в этом заключается системная организация уровней поведения индивида.

Структура единства сознания и эмоций прослеживается в принципе организации ассоциаций как вербализованных смыслов: мы не можем выделить только «эмоциональные» или только «сознательные» пласты. К тем же выводам, что и психологи, приходят исследователи лингвокультурных концептов: эмоциогенная и понятийная стороны сосуществуют в концепте как многомерной ментальной единице лингвокультурного опыта [Воркачев, 2019, с. 10]. Наличие эмоции – это след ценностей, поскольку «если для рассудка ценности суть лишь “прилагательные”, “предикаты”, то в эмоциях ценности непосредственно переживаются» [Левицкий, 1946].

Хотя ассоциация – это всегда предикация [Караулов, 1987], не всякая предикация включает эмоциональные, глубинные пласты сознания, поэтому при работе с ценностным содержанием АП оценочных доминант мы оставляем за рамками

исследования такие ассоциативные связи, которые мы условно назвали «синтагматическими» (*учиться хорошо, слышать плохо* и т. п.).

Рассматриваемые с точки зрения «эмоционального сознания» ценности «перестают быть только предикатами объектов. Они сами становятся предметными данностями» [Левицкий, 1946]. Эмоциональное сознание отвлекается от содержания предикации, чтобы «найти и пережить те ценности, которые в них содержатся» [Там же]. Таким образом, для выражения ценностного отношения важен не сам объект, а его качество в сознании субъекта оценки, поэтому моральная оценка как производимое субъектом выражение «эмоционального сознания» может свидетельствовать об актуализации ценностного (мотивационного) уровня носителя языка.

Среди многообразия стимулов, породивших оценочные ассоциации, мы можем увидеть такие группы ассоциаций, которые характеризуют более эмоциональное отношение, а также такие, которые говорят о более дифференцированном, осмысленном, сознательном опыте, выраженном в ассоциациях. Так, сознательные характеристики единиц опыта заключены в словах с абстрактной семантикой, требующей достаточно высокого уровня абстрагирования (ср. слова АП *хорошо: прогресс, эффективность, достоинство, постоянный* и мн. др.).

Пласты эмоционального культурного опыта содержатся в таких единицах, которые в совокупности создают наглядную «мыслительную картинку», фрейм или сценарий того, что носитель языка считает «хорошим» или «плохим». По мнению С. Г. Воркачева, такие концепты находятся «между» абстрактными «концептами-универсалиями духовной культуры» (*счастье, красота, свобода* и пр.) и «концептами-символами – окультуренными реалиями» (*берёза, матрёшка* и пр.). В большей степени, нежели прочие виды концептов, эти «мыслительные картинки» стоят ближе всего «к концептам – духовным сущностям и воплощают субъективность» [2019, с. 14]. К таким вербализациям «духовных сущностей» относятся слова, специфично характеризующие русскую лингвокультуру: это наиболее эмоционально окрашенные слова, в которых максимально «просвечивают» важные для русской культуры ценности.

Оценочные доминанты несут информацию об опыте освоения человеком окружающего мира – взаимодействию с окружающей средой. Сами по себе доминанты как вербализации моральной оценки – свидетельства культурной универсалии, но в ассоциативных полях содержатся связи, которые обнаруживают различные виды ценностей – как производные, так и утилитарные. Сознательные, более дифференцированные пласты опыта запечатлены в таких ассоциациях, которые тяготеют к более универсальным выражениям моральной оценки, близким к культурным универсалиям *добро / зло (милосердие – хорошо, воровать – плохо* и т. д.), тогда как эмоционально окрашенные ассоциации в большей степени характеризуют ценностный уровень сознания, приближая исследователя к загадочным, неосознаваемым единицам сознания. В лингвистике такие слова называются «ключевыми», «лингвоспецифичными», «непереводимыми» и т. д., при этом имеется в виду ключевое значение этих слов для русской ментальности, специфичное определение идей, выражаемых этими словами, для русской лингвокультуры и невозможность адекватного перевода их смысла на другой язык [Ключевые идеи..., 2005].

Примером практической реализации заявленных выше теоретических оснований, а именно междисциплинарного исследования таких «ключевых» концептов русской лингвокультуры, можно считать нашу статью [Кузьмина, 2021a], посвя-

ценную мезоанализу концепта *ОБЩЕНИЕ*. Само понятие мезоанализа актуализирует важность внимательного изучения не столько сущностей, сколько *связей*, которые объединяют эти сущности в единое смысловое образование и обеспечивают их развитие в исторической перспективе («движение значений», по Выготскому). В случае работы с материалом ассоциативных словарей это связи, которые возникают между ассоциатами и порождают то уникальное лингвоспецифическое смысловое содержание, которое придает культурное своеобразие национальным духовным явлениям.

Заключение

Ассоциативный материал обладает запасом сопротивления аналитическому исследовательскому подходу и призывает психолингвиста применять методы смежных наук, способных привести к синтетическому взгляду, которому хватит глубины для погружения в мир ассоциаций как в переплетенье универсалий жизни *Человека разумного* и уникальных единиц опыта *Человека культурного*. Синергичный взгляд на мир ассоциаций способен приоткрыть «суть человеческой экзистенции», которая, по словам В. Франкла, – в «совпадении антропологического единства и онтологических различий, единой человеческой формы существования и различных форм существования, к которым она может быть причастна» [Франкл, 2017, с. 41]. Именно ассоциации как носители этого непрограммируемого «несовпадения» являются перспективным материалом изучения сознания – они неподвластны алгоритмизации, а значит, приоткрывают тайну того, что делает человека человеком, не сводя человеческое начало к граням искусственного интеллекта.

Соединяя в себе следы «антропологического единства» и «онтологических различий», ассоциации являются противоречивым материалом для исследования. При работе с ними следует помнить, что признание «нравственного закона» существенным компонентом мотивационного уровня сознания индивида ограничивает необоснованно широкое применение методов когнитивных наук к анализу моральной оценки как «вместилищу» ценностей – фундаментальных для человеческого бытия смысловых структур. Достижения искусственного интеллекта ставят человечество перед новыми вызовами и задачами, отражать и решать которые можно лишь с помощью средств этого самого искусственного интеллекта, таким образом, образуется «порочный круг», подобный змее, кусающей себя за хвост. Человек, образом которого становится компьютер, перестает решать творческие задачи и постепенно «расчеловечивается», однако, оставаясь «образом и подобием» Создателя, человек сталкивается и с «муками творца»: схоласты бились над ответом на вопрос: «сможет ли Бог создать камень, который не сможет поднять?», – а человек мыслящий должен теперь овладеть в полной мере тем, что создал его разум. И в этом ключе дискуссии о ценностях представляются наиболее актуальными, поскольку тот самый камень, о котором спорили схоласты, – это свобода человека. «Смысловые кванты» проявления свободы человека являются единицами сознания, и одновременно с этим сознание содержит следы влияния как материально-технологических условий жизни, так и культурной среды. Оба этих фактора – внутренняя свобода и внешняя обусловленность – определяют мотивы человеческой деятельности, а значит, затрагивают ценностный уровень личности.

Список литературы

- Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2009. 320 с.
- Арутюнова К. Р., Александров Ю. И.* Мораль и субъективный опыт. М.: Ин-т психологии РАН, 2019. 188 с.
- Апресян Р. Г.* Моральная философия перед вызовами науки (Послесловие) // Арутюнова К. Р., Александров Ю. И. Мораль и субъективный опыт. М.: Ин-т психологии РАН, 2019. С. 140–151.
- Воркачев С. Г.* Страна своя и чужая: идея патриотизма в лингвокультуре. М.: ИНФРА-М, 2019. 149 с.
- Выжлецов Г. П.* Аксиология культуры на рубежах веков // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 2 (23). С. 15–26.
- Дридзе Т. М.* Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Россия: трансформирующееся общество. 2001. № 1. С. 222–240.
- Иванов Вяч. Вс.* Толерантность и ее значимость для XXI века // Эволюция ценностей в языках и культурах. М.: Пробел-2000, 2011. С. 19–36.
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
- Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: ЯСК, 2005. 544 с.
- Колесов В. В.* Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 775 с.
- Костригин А. А., Мазина К. Н.* Истоки и актуальность возникновения когнитивной психологии (Digital Humanities в истории психологии) // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2018. № 3. С. 19–30.
- КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
- Кузьмина М. А.* Мезоанализ – междисциплинарная методология социальных и гуманитарных исследований // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 27–36. DOI 10.31857/S013216250009297-9
- Кузьмина М. А.* Мезоанализ концепта *Общение* и оценочных ассоциативных доминант // Вопросы психолингвистики. 2021а. № 4 (50). С. 136–161. DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-136-161
- Кузьмина М. А.* Смысл как междисциплинарный объект // Вопросы философии, 2021б. № 8. С. 130–141. DOI 10.21146/0042-8744-2021-8-130-141
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: ЯСК, 2004. 515 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004. 252 с.
- Латур Б.* Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: ИД ВШЭ, 2014. 381 с.
- Левицкий С. А.* Свобода и ответственность: Основы органического мировоззрения. Менхегоф, 1946. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/svoboda-i-otvetstvennost-osnovu-organicheskogo-mirovozzrenija/3> (дата обращения 01.07.2022).
- Лосский Н. О.* Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. Paris, 1931. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/d7e/Cennost%20i%20byte.pdf> (дата обращения 01.07.2022)
- Лукашевич Н. В.* Тезаурусы в задачах информационного поиска. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 508 с.

Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / Под общ. ред. Ю. П. Сенокосова. М.: Языки русской культуры, 1997. 217 с.

Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. 271 с.

Платонов Р. С. Понятие универсальности в этике классического утилитаризма // Универсальность в морали: Коллективная монография / Отв. ред. Р. Г. Апресян. 2-е изд. М.: Садра, 2021. С. 124–145.

Судаков А. К. Абсолютизм и релятивизм // Этика: Энциклопедический словарь / Отв. ред. Р. Г. Апресян, А. А. Гусейнов. М.: Гардарики, 2001. С. 9–10.

Франкл В. Воля к смыслу. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 227 с.

Франкл В. Доктор и душа. Логотерапия и экзистенциальный анализ / Пер. с нем. Л. Сумм. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 338 с.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 377 с.

Шапошникова И. В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: ЯСК, 2020. 336 с.

References

Aleksandrov Yu. I., Aleksandrova N. L. *Sub"ektivnyy opyt, kul'tura i sotsial'nye predstavleniya* [Subjective experience, culture and social representations]. Moscow, Institute of Psychology of the RAS Publ., 2009, 320 p.

Apresyan R. G. Moral'naya filosofiya pered vyzovami nauki (Posleslovie) [Moral philosophy before the challenges of science (Afterword)]. In: Arutyunova K. R., Aleksandrov Yu. I. *Moral' i sub"ektivnyy opyt* [Moral and subjective experience]. Moscow, Institute of Psychology of the RAS, 2019, pp. 140–151.

Arutyunova K. R., Aleksandrov Yu. I. *Moral' i sub"ektivnyy opyt* [Morality and subjective experience]. Moscow, Institute of Psychology of the RAS, 2019, 188 p.

Dridze T. M. Dve novye paradigmy dlya sotsial'nogo poznaniya i sotsial'noy praktiki [Two new paradigms for social cognition and social practice]. In: *Rossiya: transformiruyushcheesya obshchestvo* [Russia: transforming society]. V. A. Yadov (Ed.). Moscow, KANON-press-Ts, 2001, no. 1, pp. 222–240.

Frankl V. *Doktor i dusha: Logoterapiya i ekzistentsial'nyy analiz* [The doctor and the soul. Logotherapy and existential analysis]. L. Summ (Transl. from German). Moscow, Al'pina non-fikshn, 2017, 338 p.

Frankl V. *Volya k smyslu* [The will to meaning]. Moscow, Al'pina non-fikshn, 2018, 227 p.

Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. St Petersburg, Nauka, 2001, 377 p.

Ivanov Vyach. Vs. Tolerantnost' i ee znachimost' dlya 21 veka [Tolerance and its significance for the 21st century]. In: *Evolyuysiya tseennosti v yazykakh i kul'turakh* [The evolution of values in languages and cultures]. Moscow, Probel-2000, 2011, pp. 19–36.

Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow, Nauka, 1987, 261 p.

Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira: Sb. st. [The key ideas of the Russian language picture of the world: Coll. art.]. Moscow, LRC, 2005, 544 p.

Kolesov V. V. *Osnovy kontseptologii* [Fundamentals of conceptology]. St Petersburg, Zlatoust, 2019, 775 p.

Kostrigin A. A., Mazina K. N. Istoki i aktual'nost' vzniknoveniya kognitivnoy psikhologii (Digital Humanities v istorii psikhologii) [Origins and relevance of the emergence of cognitive psychology (Digital Humanities in the history of psychology)]. *Istoriya rossiyskoy psikhologii v litsakh: Daydzhest*. 2018, no. 3, pp. 19–30.

Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov [Concise dictionary of cognitive terms]. E. S. Kubryakova (Ed.). MSU Publ., 1996, 245 p.

Kuz'mina M. A. Mezoanaliz kontsepta Obschenie i otsenochnykh assotsiativnykh dominant [Mesoanalysis of the concept Communication and of the evaluative associative dominants]. *Journal of Psycholinguistics*. 2021, no. 4 (50), pp. 136–161. DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-136-161

Kuz'mina M. A. Mezoanaliz – mezhdistsiplinarnaya metodologiya sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy [Mesoanalysis as an Interdisciplinary Methodology in social and humanitarian research]. *Sociological Studies (Socis)*. 2020, no. 8, pp. 27–36.

Kuz'mina M. A. Smysl kak mezhdistsiplinarnyy ob'ekt [Meaning as a Subject of Interdisciplinary Study]. *Voprosy Filosofii*. 2021b, no. 8, pp. 130–141. DOI 10.21146/0042-8744-2021-8-130-141.19.

Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, URSS Publishing Group, 2004, 252 p.

Lakoff Dzh. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi. Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire, and dangerous things. What the categories of language tell us about thinking]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004, 515 p.

Latur B. *Peresborka sotsial'nogo: Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social: Introduction to the Actor-Network Theory]. I. Polonskaya (Transl. from English), S. Gavrilenko (Ed.). [Moscow, HSE Publishing House, 2014, 381 p.

Levitskiy S. A. *Svoboda i otvetstvennost': Osnovy organicheskogo mirovozzreniya* [Freedom and responsibility: Fundamentals of organic worldview]. Menkhegof, 1946. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/svoboda-i-otvetstvennost-osnovy-organicheskogo-mirovozzreniya/3> (accessed: 01.07.2022)

Losskiy N. O. *Tsennost' i bytie. Bog i Tsarstvo Bozhie kak osnova tsennostey* [Value and being. God and the Kingdom of God as the basis of values]. Paris, 1931. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/d7e/Cennost%20i%20bytie.pdf> (accessed: 01.07.2022)

Lukashevich N. V. *Tezaurusy v zadachakh informatsionnogo poiska* [Thesauri in the tasks of information retrieval]. Moscow, MSU Publ., 2011, 508 p.

Mamardashvili M. K., Pyatigorskiy A. M. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simbolike i yazyke* [Symbol and consciousness. Metaphysical considerations on consciousness, symbolism and language]. Yu. P. Senokosov (Ed.). Moscow, LRC, 199, 217 p.

Pelipenko A. A., Yakovenko I. G. *Kul'tura kak sistema* [Culture as a system]. Moscow, LRC, 1998.

Platonov R. S. Ponyatie universal'nosti v etike klassicheskogo utilitarizma [The concept of universality in ethics of classical utilitarianism]. In: *Universal'nost' v moralii: Kollektivnaya monografiya* [Universality in morality: collective monography]. R. G. Apresyan (Ed. in Ch.). 2nd ed. Moscow, Sadra, 2021, pp. 124–145.

Shaposhnikova I. V. *Modusy identifikatsii russkoi yazykovoi lichnosti v epokhu perebremen* [Modes of identification of the Russian linguistic personality in the era of change]. Moscow, LRC, 2020.

Sudakov A. K. Absolyutizm i relyativizm [Absolutism and relativism]. In: Etika: *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Ethics: Encyclopedic dictionary]. R. G. Apresyan, A. A. Guseynov (Eds.). Moscow, Gardariki, 2001, pp. 9–10.

Vorkachev S. G. *Strana svoya i chuzhaya: ideya patriotizma v lingvokul'ture* [The homeland and the foreign country: the idea of patriotism in linguoculture]. Moscow, INFRA-M, 2019, 149 p.

Vyzhletsov G. P. Aksiologiya kul'tury na rubezhakh vekov [The Axiology of Culture at the Turn of the Century]. *International Journal of Cultural Research*. 2016, no. 2 (23), pp. 15–26.

Информация об авторе

Мария Александровна Кузьмина, кандидат филологических наук
WoS Researcher ID AAT-7215-2020

Information about the author

Maria A. Kuzmina, Candidate of Philology
WoS Researcher ID AAT-7215-2020

*Статья поступила в редакцию 10.03.2022;
одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 12.05.2022
The article was submitted 10.03.2021;
approved after reviewing 12.05.2022; accepted for publication 12.05.2022*